

приношеніе даровъ!) Аскольда и Дира, но тѣ не дошли до Царьграда, и, прельстясь красотой мѣста, гдѣ поселился Кій, убили его и остались тутъ, создавъ «градецъ боле перваго». Слѣдуетъ разсказъ, какъ Олегъ овладѣлъ городомъ, велѣлъ повѣсить Аскольда и Дира и самъ сталъ княжить вмѣстѣ съ Игоремъ. — Къ этому примыкаетъ взятіе древлянскаго города Кольца = Корца и походъ на Царьградъ — съ извѣстной легендой о корабляхъ, поставленныхъ на колеса.

Общаго между этимъ разсказомъ и эпизодомъ хронографа о Бравлинѣ, въ сущности, лишь въ направленіи похода изъ Новгорода въ Царьградъ или къ Царьграду при императорѣ Михайлѣ. Точки соприкосновенія такія неопредѣленные, что невольно смущаешься увѣренностью автора, будто передъ нами варианты одного и того-же мотива: изъ одного и того-же города (Новгорода) при томъ-же императорѣ идутъ войною на Царьградъ тамъ Бравлинъ, здѣсь Олегъ; Бравлинъ сурожскаго чуда также Олегъ. Послѣ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго интересно познакомиться съ взглядомъ проф. Халанскаго на источникъ этого чуда. Онъ усвоилъ себѣ мнѣніе, давно оставленное его покойнымъ авторомъ (ак. Куникомъ) и устраненное критикой В. Г. Васильевскаго, будто сурожская легенда о Бравлинѣ — пересказъ Амастридской о князѣ Россовѣ. Дѣло въ томъ, что греческое житіе св. Стефана, изложенное Васильевскимъ¹⁾, не знаетъ этого посмертнаго чуда, какъ не знало его, быть можетъ, и то житіе святого, въ принесеніи котораго на Русь участвовали Новгородцы. Авторъ заключаетъ, что чудо составлено на Руси на основаніи какой-нибудь русской передѣлки Амастридской легенды; составлено «при посредствѣ греческаго житія св. Стефана или безъ него». Анонимный князь Россовъ очутился Новгородскимъ княземъ изъ Россовъ, мурманскимъ, моровлиннымъ, Бравлинномъ, ходившимъ уже не на Амастриду, а на Сурожъ — изъ Новгорода. Такъ перенесенъ былъ въ формы чуда

1) I. с. Июнь 391 слѣд.